

«ОЗОРНЫЕ РАССКАЗЫ»: НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ С ХОРОШИМ КОНЦОМ

«Господин Бальзак довольствуется одним распутством. Разврат в его сочинениях выставлен во всей наготе; он с веселою улыбкой простирает неблагопристойность до последней точки дерзости. Многие места его сочинений способны привести в краску любого драгуна и даже изумить извозчика».

Вы думаете, это сказано об «Озорных рассказах»? Нет, так в 1834 году критик О. И. Сенковский в журнале «Библиотека для чтения» отзывался о творчестве Бальзака вообще и о его романе «Физиология брака» (1829) в частности. И в то время этот критик был не одинок в своих суждениях.

Однако, вопреки официальному неприятию, среди знавших французский язык российских читателей появлялись поклонники Бальзака. Например, молодой Ф. М. Достоевский в письме к брату от 9 августа 1838 года восторженно писал: «Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной!», а первой публикацией начинающего литератора стал перевод романа Бальзака «Евгения Гранде», опубликованный в 1844 году.

К концу XIX века в России вместе с политическими и социальными переменами изменилось и отношение к творчеству Бальзака, и в 1896–1898 годах санкт-петербургское издательство Л. Ф. Пантелеева выпустило собрание сочинений писателя, состоявшее из двадцати томов, в каждом из которых было по одному роману. Но в этом собрании места для «Озорных рассказов» не нашлось.

Первым пробным шаром в деле их публикации на русском языке послужили переводы двух рассказов, выполненные поэтом и прозаиком Федором Сологубом и в 1922 году напечатанные отдельной книгой в петроградском издательстве «Полярная звезда» под названием «Озорные сказки». Сологуба, который переводами по-

чти не занимался, это произведение Бальзака привлекло как неординарностью своего содержания, так и возможностью стилизации текста на «доломоносовском языке». Этот смелый опыт оказался вполне удачным, однако продолжения не последовало: скорее всего, Сологуб его и не планировал.

Вторая попытка донести до советских читателей «Озорные рассказы» была предпринята в конце 1920-х годов. Отобрав одиннадцать рассказов поучительного и, так сказать, наиболее безобидного содержания, издатели поручили их перевод М. В. Голицыну, ранее не занимавшемуся профессиональной литературной деятельностью, — перевод для него был средством заработка в тяжелые времена, наступившие для представителя знаменитого дворянского рода. По свидетельству его сына, советского писателя С. Голицына, в работе над рассказами принимал участие его дед, князь В. Голицын (в прошлом московский губернатор и городской голова), «чей устарелый слог оказался весьма подходящим», и именно ему принадлежала идея названия «Смехотворные рассказы».

Судя по всему, эта небольшая книжка, вышедшая в 1929 году под редакцией и с предисловием известного филолога А. Смирнова, подверглась строгой цензуре: в рассказах частично опущены исторические детали и колоритные подробности, которыми так дорожил Бальзак, а все слишком фривольные намеки или словечки были отретушированы или изъяты. Кроме того, по непонятной причине рассказы в книге были расположены в порядке, не совпадающем с тем, что был у Бальзака.

В 1930-е годы Бальзак как автор «Человеческой комедии» возводится в классики «критического реализма»: ему повезло, кто-то из литературоведов обнаружил, что его творчество высоко оценили К. Маркс и Ф. Энгельс, и отныне Бальзака следовало переводить, издавать и изучать. В 1937 году в самом авторитетном в то время издательстве «Academia» вышел двухтомник Бальзака, во второй том которого был включен рассказ из второго десятка «Озорных рассказов» «Ведьма» (в переводе С. Вышеславцевой).

В эти же годы Гослитиздат взялся за подготовку пятнадцатитомного собрания сочинений Бальзака, которое вышло уже после войны, в 1951–1955 годах. Для четырнадцатого тома было отобрано одиннадцать из тридцати озорных рассказов, в том числе шесть из тех, что уже переводились Голицыным. На этот раз издатели отобрали рассказы скорее серьезные, чем озорные, и наиболее пристойные, а кроме того, по соображениям, о которых можно только

догадываться, не решились опубликовать истории, «порочащие» королевских особ.

Переводы, выполненные С. Вышеславцевой и Н. Соколовой, ничуть не устарели, как всё, во что вложены труд, мастерство и талант. В пятидесятые годы эти одиннадцать рассказов несколько раз выпускались отдельными книжками разными областными издательствами, затем наступило тридцать лет относительного затишья, а количество их переизданий за последние двадцать лет трудно подсчитать. Судя по тиражам, даже в таком «урезанном» виде рассказы пришлись по душе российским читателям, которые теперь могут прочитать «Озорные рассказы» в том объеме и порядке, в каком они были задуманы и изданы их автором, Оноре де Бальзаком¹. Кроме того, настоящее издание дает возможность познакомиться с рассказами, подготовленными Бальзаком для следующих «десятков» и сохранившимися в его архивах.

В предисловии к «Шагренево́й коже» (1831), подготовленном к переизданию романа 1834 года, уже добившийся известности Бальзак писал: «Общество требует от нас прекрасных картин: но где их найти? Ваши жалкие одежды, недоделанные революции, болтливые буржуа, мертвая религия, выродившаяся власть, короли на половинном содержании — так ли уже они поэтичны, чтобы стоило их изображать? Сейчас мы можем только издеваться, насмешка — вот литература умирающего общества...»

Насмешка... Издевка... Сатира... А так хочется просто посмеяться и отдохнуть душой! Бальзак работает по 16–18 часов в день, ему нужны деньги, чтобы отдать долги, в которые он влез, пытаясь открыть собственное дело и потерпев крах. В личной жизни тоже далеко не все гладко... Он пишет с небольшими перерывами уже почти десять лет, но успех пришел лишь с последними романами, он устал, хотя ему еще только тридцать, а жизнь передышки не дает.

Как может отдохнуть тот, кому нужно зарабатывать? Смена работы тоже отдых, и писатель берется за «другое» перо и обращается к музе другой — озорной.

Она подсказывает: окунись в прошлое, вспомни, как смеялись Рабле, Вервиль, Маргарита Наваррская, Боккаччо, Ренье. Обратись

¹ Впервые все три десятка «Озорных рассказов» с иллюстрациями Гюстава Доре увидели свет в 2012 году в коллекционном издании (тираж 100 экземпляров) московского издательства «ПК „Кожаная мозаика“».

к тем векам, когда Франция еще умела любить и ненавидеть, смеяться и хохотать, не смущаясь и не краснея. Вернись в свои родные края, в свою пресветлую Турень, там источник радости и нового вдохновения. Удиви и порадуй Францию, напиши сто, да-да, именно сто, потешных новелл, пусть все увидят, что ты не уступаешь восхитительным и плодовитым писателям Средневековья. Вспомни их язык: народный, естественный, чарующий, не стесненный оковами академических правил и оттого порою сам по себе смешной.

По сути, возвращение к прошлому было для Бальзака своеобразным бунтом против настоящего. Писателю надоело описывать общество, в котором, по словам одной из героинь его романа «Отец Горио», чтобы преуспеть, надо наносить удары беспощадно, относиться к людям, как к почтовым лошадям, и гнать их не жалея, пусть себе мрут на каждой станции, а свои подлинные чувства прятать глубоко, чтобы никто и не подозревал об их существовании.

Рискованный замысел давался Бальзаку непросто. Первые два десятка «Озорных рассказов» вышли в 1832¹ и 1833 годах, третий десяток был закончен лишь к 1837-му, а обещанная сотня так и не была написана. Помешало исполнению задуманного, в частности, и то, что после выхода первого десятка на Бальзака обрушилась критика и справа, и слева. Бальзак произвел такой эффект, как будто он в наряде шута явился на похороны, загремел погремушками и задудел в дудку. Нечего вспоминать Рабле, писал критик, «когда вся жизнь посвящается двум идеям, двум ожесточенным врагам страстей радостных и наивных, богатству и власти». Писателя обвиняли как в том, что его книга слишком архаична, что он не читал Рабле, на которого ссылается, не знает истории — в общем, в самозванстве и надувательстве, — так и в том, что рассказы написаны неудобоваримым и неправильным языком, ну и, разумеется, в чрезмерном эротизме и непристойности.

Полемика с критиками отражается в прологах ко второму и третьему десяткам «Озорных рассказов», а в уже процитированном предисловии к «Шагренево́й коже» Бальзак так отвечал на нападки: «Писатели, имеющие какую-нибудь цель, будь то возвращение к идеалам прошлого (именно потому, что эти идеалы вечны), всегда должны расчищать себе почву. А между тем всякий, кто вно-

¹ Это просто совпадение, но мимо него невозможно пройти: 6 января 1832 года, когда писатель заканчивал работу над первым десятком «Озорных рассказов», родился Гюстав Доре, которому спустя 23 года первому выпала честь эти рассказы проиллюстрировать.

сит свою долю в царство идей, всякий, кто отмечает какое-либо заблуждение, всякий, кто указывает на нечто дурное, чтобы оно было искоренено, неизменно слышит безнравственным. Впрочем, упрек этот, которого не удалось избежать ни одному смелому писателю, — последнее, что остается, когда ничего другого выдумать не могут. Если вы правдивы в изображении, если, работая денно и ночно, вы начинаете писать языком небывалым по трудности, тогда вам в лицо бросают упрек в безнравственности. Сократ был безнравствен, Христос был безнравствен, обоих преследовали во имя социального строя, который они подрывали или улучшали. Когда кого-нибудь хотят изничтожить, его обвиняют в безнравственности. Этот способ действия, свойственный партиям, позорит всех, кто к нему прибегает».

Язык, которым написаны «Озорные рассказы», в самом деле непрост, по крайней мере на первый взгляд. Это язык не только средневековый, но и «озорной», его средствами Бальзак передает непохожесть своих героев на испорченных уродливыми отношениями современников; язык забавный и «сказочный», чарующий музыкой давно забытых слов и оборотов; язык, который проводит границу между прошлым и настоящим и переносит туда, где все кажется исполненным чистоты и простого человеческого счастья. Вслед за Рабле Бальзак примешивает к французскому архаизмы и диалектизмы, латынь, итальянизмы и неологизмы, термины технические, шуточные, слова простонародные и грубые и придает им причудливую орфографию¹.

С. Вышеславцева и Н. Соколова осуществили перевод «Озорных рассказов» литературным русским языком, придав ему легкую архаическую окраску устаревшими словами и оборотами так, чтобы они были сразу понятны из контекста и, не затуманивая смысла, украшали повествование.

Для преемственности, единообразия и в знак уважения к переводчикам, которые в середине XX века перевели на русский язык часть книги Бальзака, мы не только придерживались указанного стиля, но и сохранили прежнее название — «Озорные рассказы», хотя и тут есть над чем задуматься, и не случайно Ф. Сологуб назвал их «Озорными сказками», а М. Голицын — «Смехотворными рассказами».

¹ Глоссарий, прилагаемый к изданию «Озорных рассказов» 1990 года (издательство «Gallimard»), содержит около тысячи слов, которые без этого глоссария понять довольно затруднительно.

Бальзак определил жанр своих рассказов редким французским словом «drolatique», которое означает то, что заставляет смеяться своей вольностью, даже двусмысленностью, и неожиданностью, и которое можно перевести не только как «озорной», но и как «потешный», «забавный», «чудной», «странный», «смехотворный» или «смехотворящий», «уморительный» и даже «смехоносный», а также «поразительный» и «удивительный»; но все эти слова не передают греко-латинские суффиксы «ат» и «ик», которым в русском языке соответствуют суффикс и окончание «ат» и «ический» (например: драматический, догматический). Бальзак выбрал такое определение в пику модным в первой половине века рассказам романтическим и фантастическим, дабы сразу отмежеваться от тех, кто, как он уверял, разучился смеяться.

Бальзак издал не сто, а тридцать озорных рассказов, его замысел остался незавершенным, но не только и не столько критики в этом повинны. Причина в другом. За те восемь-девять лет, что прошли от начала работы над «Озорными рассказами» (когда Бальзаку было тридцать лет) до выхода третьего их десятка, Бальзак изменился и перерос, если можно так выразиться, свое «озорство». Это, надо заметить, сказывается и на сюжетах, и на тональности рассказов, которые постепенно становятся все менее озорными и все более серьезными, а место действия переносится из Турени в Руан, Милан и даже на Сицилию. Сделав крюк, испытав свои силы, доказав самому себе, что он может «пересмеять» великих предшественников, Бальзак вернулся от прошлого к настоящему и к тому, что волновало и его как писателя, и читателей больше, чем анекдоты давно минувших дней, — к «Человеческой комедии». Бальзак еще долго не сдавался, он продолжал работу, надеясь исполнить свое обещание и написать-таки всю сотню, и всегда утверждал, что «Озорные рассказы» — это лучшее из всего им написанного.

Во Франции творение Бальзака подвергли конструктивной критике и оценили по достоинству лишь в XX веке, когда «Озорные рассказы» вошли в изданное в 1932–1933 годах собрание сочинений Бальзака. Затем последовали и другие издания, и в каждом из них критики находили все новые и новые достоинства этого творения и связи между ним и «Человеческой комедией».

Как и положено по законам жанра ренессансной новеллы, каждый рассказ посвящен одному событию или несложной цепочке событий, связанных единством обозначенного конфликта и немногочисленностью персонажей. Событие подается как там-то и тогда-то

происшедшее и в то же время необычное, из ряда вон выходящее. Эта необычность подчеркивается неожиданной концовкой и названием для читателей. По времени действия «Озорные рассказы» разбросаны по более чем трем векам и тринадцати царствованиям, а местом действия большинства рассказов является Турень, ее населенные пункты и столица, родной город Бальзака — Тур. Турень — историческая провинция, находящаяся на юго-западе от Парижа, которая с 1204 года принадлежала французской короне, а с 1360 года стала герцогством, которое также находилось во владении принцев крови. Это родина Бальзака, край благодатный и прекрасный, прозванный за свое плодородие «садом Франции». Здесь мягкий климат, леса, полные дичи, виноградники, реки Луара, Эндр и Шер и восхитительные пейзажи. Именно в Турени располагаются знаменитые на весь мир королевские замки, которые не раз упоминаются в «Озорных рассказах».

Что касается исторической правды, то Бальзак не всегда сводит концы с концами, но история для него не главное, хотя нередко именно исторические события вмешиваются в судьбу его героев. Главное для писателя — человек со всеми его пороками и достоинствами, чувствами низкими и возвышенными. Ему равно дороги и простая прачка из Портильона, и благородная Берта, и нищий попрошайка, и короли Франции.

Каждого своего персонажа и каждую сцену он описывает столь выразительно, что возникают зримые образы. Неудивительно, что за прошедшие с момента появления на свет «Озорных рассказов» полтора века образовалась целая галерея иллюстраций, созданных в различной манере художниками разных стран. Наряду с французскими художниками Альбером Дюбу (Albert Dubout, 1939), Альбером Робидом (Albert Robida, 1925), Жозефом Эмаром (Joseph Nemard, 1926), Люсьеном Метиве (Lucien Metivet, 1926) иллюстрации к «Озорным рассказам» создали американские художники Ральф Бартон¹ (Ralph Barton, 1928) и Стил Севедж (Steele Savage, 1955), российская художница Юлия Евстратова (2010) и другие. Богатство бальзаковского сочинения давало простор для творчества художников, а потому, следуя своему воображению и предпочтениям, одни художники подчеркивали комизм персонажей, их уродливость

¹ В настоящем издании впервые в России воспроизводится комплект иллюстраций Ральфа Бартона, а также избранные иллюстрации Альбера Робиды. — *Примеч. ред.*

или, напротив, красоту, других привлекала сатира, третьих — эротика. Одни рисовали в реалистической манере, другие — в сказочной, карандашом и кистью, одним словом, отталкиваясь от мира, созданного Бальзаком, они создавали свой мир, образно поясняя и дополняя фантазию писателя.

Однако первым проиллюстрировать «Озорные рассказы» почастливилось двадцатитрехлетнему Гюставу Доре, и в последующие сто пятьдесят лет никто из художников (по крайней мере по количеству иллюстраций) не смог полностью затмить Доре, поражавшего современников своим неиссякаемым воображением, неутомимостью и трудолюбием.

Почему издатель Арман Дютак доверил этот труд молодому художнику? Помните, как в 1833 году критик упрекал Бальзака за то, что тот не ко времени «вспомнил Рабле»? Так вот, благодаря Гюставу Доре, который в 1853 году проиллюстрировал новое издание «Гаргантюа и Пантагрюэля» и вдохнул в него новую жизнь, французы, а затем и англичане увидели образы героев Рабле и приняли их, как своих старых знакомых. Успех был феноменальным, и на волне этого успеха Дютак решил выпустить «Сто озорных рассказов» с иллюстрациями многообещающего гения.

Художник в манере резкой и даже карикатурной (напомним, что он с пятнадцати лет работал карикатуристом в «Газете для смеха»), часто доходившей до гротеска, схватывает образы героев Бальзака и передает ключевые сцены точно фотограф, побывавший на месте события. И около семидесяти иллюстраций, будто в газете, сопровождаются подписями — цитатами из текста. Сцены народных волнений и военных столкновений ужасают своей дикостью и накалом страстей, и даже природа в изображении Доре исполнена тревоги, как будто где-то рядом притаилась угроза. В работе художника не чувствуется любования прошлым и озорства, она скорее пронизана насмешкой и издевкой, теми самыми, что, по словам Бальзака, свойственны умирающему обществу.

Пролог ко второму десятку Доре украсил метафорическим портретом Бальзака-энтомолога. Писатель смотрит в огромную лупу, записывает свои наблюдения на листке, левая рука его лежит на книге «Чешуекрылые», к столу огромными булавками приколоты фигурки насекомообразных человечков (или человекообразных насекомых), слева валяется потрепанный «Трактат о препарировании», а на заднем плане видны три склянки с заспиртованными зародышами и надписями на латыни. Кроме того, художник увидел

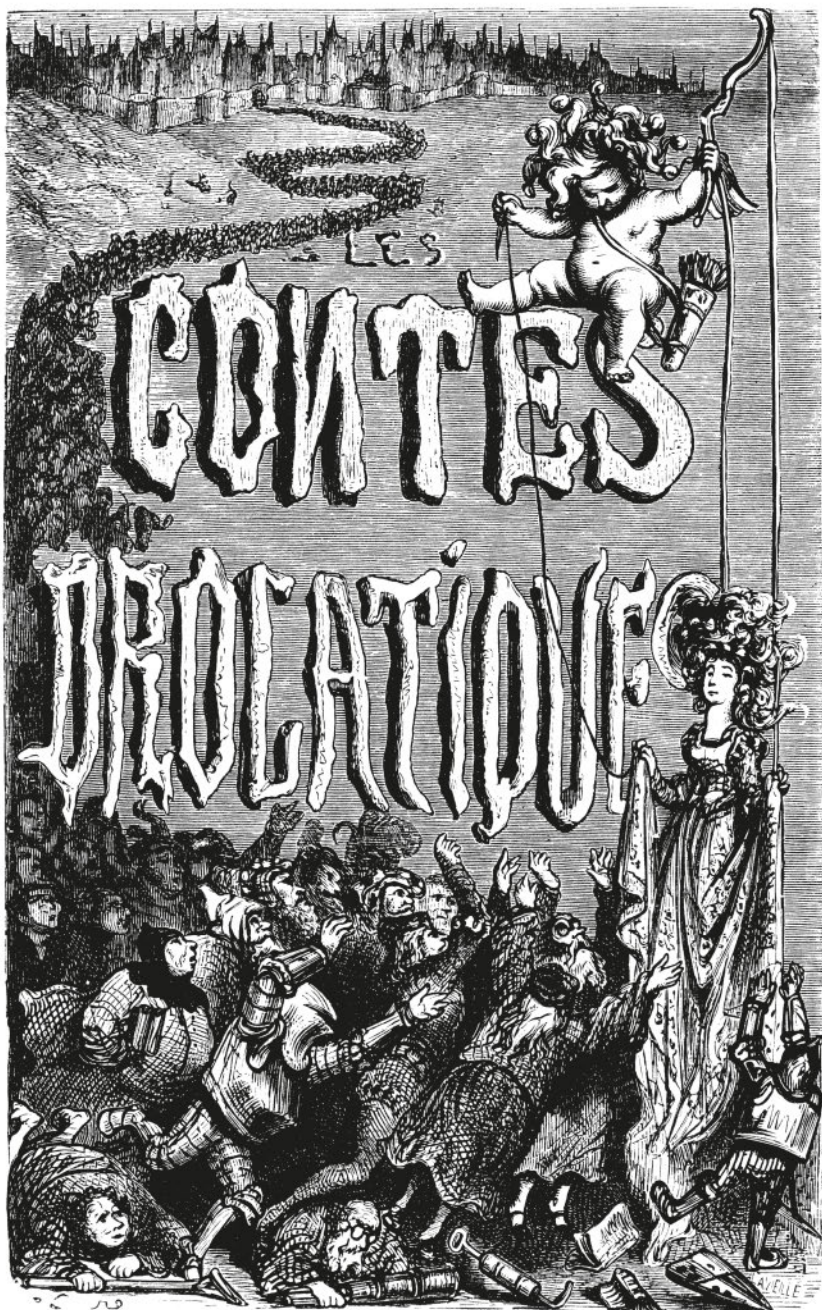
Бальзака в описании мэтра Ансо, героя рассказа «Настойчивость любви», того самого, который, будучи подмастерьем, «трудился с превеликим усердием, став мастером, трудолюбие свое умножил, всюду перенимать старался новые приемы ремесла своего, сам придумывал способы поискуснее и на пути исканий набрел на многие открытия». Читатели заметят, что изображения Ансо-Бальзака, наряду с портретом старого Рабле, являются, наверное, самыми светлыми образами, созданными Доре для иллюстрации «Озорных рассказов». Перед третьим прологом изображены беседующие Рабле и Бальзак. Доре назвал эту работу «Отец и сын», а завершил книгу изображением Бальзака в образе императора, окруженного почитателями и хулителями. Слева и как бы в тени Бальзака-императора высится фигура в мантии, и эта фигура, надо полагать, изображает самого Доре, благодаря которому «Озорные рассказы» получили новое измерение.

В заключение хочется повторить слова Армана Дютака из его предуведомления к «Озорным рассказам»: «Все, кто любит его гений как таковой, все, кто любит наслаждение, которое он нам дарит, и, наконец, все, кто ценит его за услуги, оказанные языку и литературной форме, не в силах предать забвению „Озорные рассказы“, и именно поэтому мы предлагаем читателю их новое издание».

Можно предположить, что и сейчас найдутся «злые люди» (так называл Бальзак своих критиков), которым его любимое детище придется не по вкусу и покажется не ко времени. Что ж, как он сам написал в прологе к пятому десятку, «ему от этого ни жарко ни холодно», а всем, кто способен насладиться «Озорными рассказами», напомним строки из стихотворения Городецкого «Флоренция»:

И в схватках с тьмою очумелой
С Боккаччио смеемся мы,
Читая вольные новеллы,
Спасающие от чумы.

Е. Трыкина

ОЗОРНЫЕ РАССКАЗЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1855 ГОДА

Издатель не рискнул бы опубликовать эту книгу, не будь она произведением искусства в полном смысле этого слова — слова, которое в наши дни стало слишком расхожим. Однако он счел, что добросовестные критики и искушенные читатели, взяв в руки «Сто озорных рассказов», вспомнят широко известные прецеденты, оправдывающие сие смелое предприятие, коего дерзость и чреватость опасностями автор его полностью сознавал.

Тот, кому еще дорога литература, не отречется от королевы Наваррской, Боккаччо, Рабле, Ариосто, Вервиля и Лафонтена — редких для нового времени гениев, каждый из которых, за вычетом сцены, стоил Мольера. Вместо того чтобы живописать чувства, большинство из них воссоздавало эпоху: и потому, чем ближе тот час, когда литература умрет, тем больше мы ценим эти старые книги, позволяющие вдохнуть свежий аромат простодушия, пронизанные смехом, коего лишен современный театр, называющие вещи своими именами, написанные языком живым и терпким, прибегнуть к которому сейчас уже никто не осмеливается даже в мыслях.

Понимание — вот чего ждет рассказчик, который не то чтобы считает себя наследником основоположников, но всего лишь идет по пути, уже пройденному и, казалось бы, закрытому прекрасными гениями, пути, успех на котором стал как будто невозможен в тот день, когда наш язык утратил свою первозданную наивность. Мог ли Лафонтен написать «Влюбленную куртизанку» в стиле Ж.-Ж. Руссо? Издатель позаимствовал эту ремарку у автора, дабы оправдать вышедшие из употребления обороты, используемые в этих рассказах: ко всем препятствиям, мешавшим осуществлению своего замысла, писатель добавил еще и непопулярный стиль.

Во Франции многие сейчас страдают от англицизмов и жаргона, на который часто сетовал лорд Байрон. Эти люди, краснеющие от милых откровенностей, которые в прошлом заставляли смеяться принцесс и королей, облачили в траур нашу древнюю физиономию и убедили самый

веселый и остроумный народ в мире, что смеяться подобает лишь благопристойно, прячась за веером, они забыли о том, что смех как дитя малое, которое бесстрашно играет с тиарами, мечами и коронами.

При подобных нравах только талант может спасти от наказания автора «Озорных рассказов», однако, не желая все же рисковать, он осмелился представить на суд публики лишь первые десять рассказов. Мы же, преисполненные глубокой веры в читателя и автора, надеемся в скором времени выпустить еще десять, ибо не боимся ни книги, ни утреков.

И почему мы поносим в литературе то, что заслужило признание на художественных выставках, — поиски Делакруа, Девериа, Шенавара и многих великих художников Средних веков? Если мы признаём живопись, витражи, мебель и скульптуру эпохи Возрождения, то почему надо объявлять вне закона веселые новеллы, смешные стихи и сказки?

Дебют этой музы, ничуть не озабоченной своей наготой, нуждается в горячих защитниках и доброжелательной поддержке, и, может статься, таковые найдутся среди людей, чей вкус и порядочность не вызывают сомнений.

Издатель почел своим долгом дать это предуведомление всему свету. Что касается оправданий авторских, то они являются неотъемлемой частью его книги.

Март, 1832

Мы посчитали необходимым воспроизвести здесь предисловие, которым автор, назвавшись издателем, предварил первое издание первого десятка озорных рассказов. В нем он четко сформулировал собственный взгляд на нравственное значение своего сочинения. При всей известной высокодуховности, присущей его идеям и произведениям, автор «Человеческой комедии» подозревал, что на книгу, которую он считал своим шедевром, обрушится фарисейская критика, и, как видим, ответил на нее заранее, и этот глубокий по смыслу и ясный по форме ответ проливает свет и исключает всяческие споры.

Книга Бальзака на самом деле не просто произведение искусства в духе Дон Жуана, Пантагрюэля, поэм Пульчи и тому подобных книг, украшающих библиотеки самых строгих ценителей литературы, она, и не надо об этом забывать, есть продукт литературной археологии. В эпоху, ставшую эпохой обновления и которую истории литературы еще будут порицать, молодой горячий Бальзак, достигший того возраста, когда одаренные буйной фантазией люди пьянеют от самих себя и, словно вакханки, наслаждаются собственными дарованиями, Бальзаку захотелось воскресить язык и дух

прошлого. Он подражает Рабле, как иные подражали Ронсару, и пишет «Озорные рассказы» на чудесном языке шестнадцатого столетия — языке роскошном, насыщенном, свежем и лучезарном, освещающем мрак, подобно Авроре Корреджо, поднимающейся над чащей священного леса!

Таков был замысел Бальзака, и таково его произведение. Это добросовестные литературные раскопки, лишённые любых макиавеллиевских уловок, к которым прибегают литературные мистификаторы типа макферсонов, чаттертонов и многие другие. Бальзак в один прекрасный день решил, что было бы хорошо либо для услаждения собственного его ума, либо в более широких и возвышенных интересах пойти по пути подражания образцам, от которых в последнее время отвернулись, возможно слишком резко; и оказалось, что этот великий словесник, любивший французский язык, как родную мать, создал такое чудесное подражание, что оно стоит дороже иного оригинального произведения. Этого художника влекла лишь красота, он, подобно античному бегуну, гнался за нею с факелом в руках и наполнил опустевшие матрицы Рабле, Монтеня и Ренье своей молодой, бурлящей гением кровью и напоил их своими жизненными соками. Все, кто любит его гений как таковой, все, кто любит наслаждение, которое он нам дарит, и, наконец, все, кто ценит его за услуги, оказанные языку и литературной форме, не в силах предать забвению «Озорные рассказы», и именно поэтому мы предлагаем читателю их новое издание.

Первое издание показалось нам неполным и недостойным гения их автора, который, повторяем, ценил свои «Озорные рассказы» и любил их как шедевр, который стоил ему наибольших трудов. Оно показалось нам недостойным как огромного числа почитателей этого произведения, так и его славы. Сочинение, стоящее в стороне от «Человеческой комедии», сочинение исключительное, требовало особого подхода, и нам захотелось, чтобы ларчик был достоин жемчужины, и ради этого мы были готовы на все. Молодой художник, такой же в своем деле изобретатель, каким был изобретатель «Озорных рассказов», господин Гюстав Доре, вдохновленный Бальзаком так же, как Бальзак вдохновился примером Рабле и Боккаччо, придал в свою очередь новую форму «Озорным рассказам», форму пластическую, которая облекает в зримые образы картины, созданные словом. Иллюстрации, это украшение книг, сообщат новому изданию всю свою роскошь и будут содействовать ее новому успеху.

ПЕРВЫЙ ДЕСЯТОК

Бальзак О. де

Б 21 Озорные рассказы / Оноре де Бальзак ; пер. с фр. С. Выше-славцевой, Н. Соколовой, Е. Трынкиной. — М. : Инostrанка, Азбука-Аттикус, 2023. — 688 с. : ил. + вкл. (64 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23326-3

Оноре де Бальзак — великий французский писатель, у которого, по определению Льва Толстого, «в оное время учились писать все». В многочисленных романах своей «Человеческой комедии» он воссоздал пестрый, жестокий и многоликий мир, отразив жизнь всех классов современного ему общества. Книга «Озорные рассказы» стоит особняком в творчестве Бальзака. Это собрание игривых и забавных новелл, стилизованных под Боккаччо и Рабле, в которых — в противовес модным в ту пору печальным романтическим мотивам — воскресают галльская живость и веселость, а действие перенесено в далекое прошлое. Яркие, необыкновенные сюжеты, описания утонченных любовных утех, невероятные приключения, выразительные герои (многие из которых — реальные исторические персоны, включая монархов и распутниц) и великолепный юмор обеспечили «Озорным рассказам», несмотря на возмущенные обвинения критиков в непристойности, неуывающую популярность среди широкой массы читателей.

В настоящее издание вошли все «озорные рассказы» Бальзака, включая пять историй, не опубликованных при жизни автора. Тексты сопровождаются иллюстрациями Гюстава Доре (1832–1883), чьи великолепные, живые изображения персонажей «Озорных рассказов» так и остались непревзойденными. Также в издание включен комплект иллюстраций американского художника Ральфа Бартона (1891–1931) и избранные иллюстрации французского художника Альбера Робиды (1848–1926), никогда не публиковавшиеся в России.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
ОЗОРНЫЕ РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Валентина Гончар

Подписано в печать 21.06.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 46,06 (вкл. вклейку).
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-32278-01-R